

ЖУРНАЛ СТРАНИЦА

ЧУТЬ ЗАБЕЛЕЮТ окна,

Лидия Ивановна открывает глаза и неподвижно смотрит в потолок, на прогнувшуюся матку, в которую вбит толстенный крюк. К нему подвешивалась вьюбка, когда маленьким был Васятка. Лидия Ивановна кажется, что на этот крюк и сейчас Васятка смотрит с портрета с радостью и удивлением: он ли был крохотным, кто приходилось качать? Портрет Васятки висит рядом с портретом отца. Васятка малый и Васятка большой, как их мысленно называет Лидия Ивановна, — все, что у нее осталось в жизни.

Лидия Ивановна поднимается и долго сидит в кровати. Она встает рано. Делать нечего, но спать больше не хочется, и лежать бока болят. Ночь за год кажется. На работу идти тоже рановато. Выт она и разговаривает со своими Васятками.

Каждый день она ходит чистить тротуары. Вот уже несколько лет подряд. С этой работой так свыклась, что не может себя без нее и представить. Ей отвести одну улицу. Даже не улицу, а два квартала. Участок для нее стал родным и до мелочей знакомым. Так же знакомым, как и маленький ее домик, что стоит на окраине городка.

На прошлой неделе по ее улице пронесся Еремей, при жизни щупленького, подвижного старичка. В гробу он лежал спокойный и строгий. Провожала его Лидия Ивановна в последний путь. Шла вбок процессии и тихонько утирала слезы краем платка. На душе было неуютно, будто вот ее самую хоронили в яркий солнечный день. Снесут и ее по этой самой улице. Ведь она старше Еремея на пять лет...

Ивановна, как зовут ее соседки, одевается и идет на улицу, на секунду задерживаясь у порога и прощаясь со своими Васятками. Дверь обычно не закрывает. Как-то уж свыклась, что соседки — люди добрые и ничего не возьмут. Да и какое может быть богатство у одинокой старушки.

Ночью прошел дождь. И на тротуаре грязь липкая и нудная. Ивановна сгребает эту грязь специальной лопаткой, похожей на сачку, какой рубят капусту на засол. Увлеченная работой, она не поднимает глаз на прохожих. Она видит их ноги. Вначале доявляются прохожие от случая к случаю, потом чаще и чаще. Мелькают сапоги, туфли, ботинки. То быстро, торопливо, то не спеша. Но встречаются, что проходят украдкой, боясь полным шагом привлечь к себе внимание... Она любит, когда идут быстро и твердо: спешат по делу. На душе теплее: удобно и чисто идти людям по тротуару, значит, не зря она трудится.

Пройдет основной поток рабочих, и Лидия Ива-

новна снова начинает скоблить грязь. Сталкивает ее в кювет. Чистить хоть и два квартала, но устает она сильно.

Иногда приходит осматривать работу высокий, всегда небритый мужчина — ее начальство. Остановится рядом и молчит несколько минут. Вскинет густые рыжие брови, похожие на гусеницы, скажет:

— Ничего, мать, ничего...

И уйдет. Вот именно, ничего. Неожиданно, или осуждает за медлительность, или просто подбадривает ее.

Под вечер, когда должны пойти рабочие с завода, Лидия Ивановна вскидывает на острое плечо свой нехитрый инструмент и отправляется домой. По давней привычке свернет на соседнюю улицу. Там работает Мария. Она делает всегда больше. У нее три квартала и управляет не позже Ивановны. За-

несла повестку, Лида почувствовала в себе страшную усталость. Слово одним махом одолела два крутых подъема. Ходила по комнате, с трудом передвигая ноги, смотрела на мужа и не верила, что завтра его не будет рядом с ней.

— Как же так? Возьмешь и уедешь? — спрашивала она.

Потом на вокзале, сглатывая горячие, сухие комки, шептала:

— Да как же так, а-а...? Как же так-а-а?

Василий с трудом разжал ее руки, поцеловал в поспевающие тонкие губы и побежал к вагону. Осталось в памяти одно: бесконечный топот сапог. Топот рос и тяжелым гулом наваливался на нее, туманил мозг. Темнело в глазах от слез. Много дней, впоследствии, преследовал ее этот страшный топот...

...Василий не вернулся...

П. Шмаков

ВАСЯТКА БОЛЬШОЙ, ВАСЯТКА МАЛЫЙ

РАССКАЗ

вистанно осматривает улицу, вздохнет и шагает дальше. За маленькой оградкой цветет черемуха. Остановится и полюбуется. Легкие лепестки снежинками осыпаются на землю. От этой осыпи рябит в глазах. И всякий раз, когда она смотрит на черемуху, ее одолевает один и те же воспоминания...

Тогда она была еще девочкой и только что познакомилась с Василием. Знать-то знали давно друг друга, а вот так, чтобы и дня раздельно прожить трудно было, — недавно. Жила Лида с родителями в низеньком домике с подслеповатыми окнами. Солнце скатилось за горизонт, и его последние литые лучи красили побеленные к Первомайским праздникам стены. В комнату без стука вошел Василий. Он держал огромный букет цветущей черемухи. Лида бросилась навстречу, уткнулась лицом в снежный ком, и тут только вспомнила, зачем пришел Василий. Он же вчера только грозился прийти к ее матери и поговаривать. Испугалась, отбежала к печке и оставилась тревожным взглядом на дверь: а ну, как войдет мать? Но мать пришла позднее...

От черемухи все такой же приятный и резкий запах, как и в то далекое время. Черемуха уже отвечает, и Лидия Ивановна жалко и нежно прощается. Увидит ли она ее следующей весной?

Прохожие оглядываются на старушку и молча кивают ей. Ее многие знают в городе.

Василия взяли на фронт в первый месяц войны. Когда при-

летом трудно, когда цветет тополь. Пух так густо валит, что застилает все вокруг. Не успевает она до конца промести улицу, а позади уже белым-бело. Легкий, он вспархивает изпод метлы и назойливо лезет в лицо. Понимает Лидия Ивановна, что глупо злиться, да пережить себя не может. Сانشком горькие воспоминания вызывает тополиный пух.

В тот день тоже валил пух. Поднялась она рано и присела к окну. Ломило поясницу, покачивало в висках. Такое состояние у нее бывало перед ненастьем, но день, по всем приметам, разгуливался к ведру. Удивительно, что в одну ночь зашвели и распустились тополя. Миллионы мелких парашютиков скользили и скользили сверху вниз. Город будто поседел...

В дверь постучали. Стук был настолько неожиданным, что Лидия Ивановна вздрогнула и услышала, как с тупой болью забилося сердце, кровь ударила в лицо. Соседка переступила порог, оперлась спиной о косяк и смотрела на Лидию Ивановну жалким и виноватым взглядом. Подошла к ней и молча обняла сухой и холодной рукой. Соседка только и сказала:

— Не убивайся, Ивановна, такая уж наша судьба-разлюбица. Мой тоже сгинул...

Весь день проплакали вместе. Желтый листок до сих пор хранится на дне ящика, в обложке от старой книги, перевязанной шерстяной ниткой. Там же хранятся несколько скупых солдатских писем...

(Окоячине на 4-й стр.)

// Ленинский
шахтёр,
1973,
14 апреля,
с. 3.